

Ида Пресс

Сказ про то, как Бабл.пиха добро несла

Ида Пресс

Сказ про то, как

Баблуха добро несла

<https://litres.ru/74415987>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе Скопин живёт блогер Света Молодцова, которая занимается благотворительностью: помощью одиноким старикам и инвалидам. Много дел наделала она за последние годы. Многие её подопечные уже умерли, но многие ещё живут и здравствуют. У Светы большая аудитория на Ютубе, и множество простых людей шлёт ей деньги на помощь бедным людям. Обозвали её в интернете Баблухой, а подружку её Жанну нарекли Жабой.

Ида Пресс

Сказ про то, как Баблуха добро несла

Сказ про то, как Баблуха добро несла

Во городе во Скопине, что в Рязанской губернии, жила-поживала тётя Света Молодцова, одинокая, но многого желавшая. А желала она хорошо жить, много денег и имущества иметь, но при этом не утруждать себя тяжёлой работой. Только как же всё это соблюсти, не имея за душой ничего, кроме хотения? Вот пришлось Светке думу думать и раскидывать небогатым умишком так и этак, чтобы прокормиться да не гнуть спину. Придумала! Благо дураков и кликуш земля родная издревле в большом количестве рождает, а с ними у Светки разговор короткий будет, - гоните деньгу, дурёхи беспамятные, и вопросов неуместных мне не задавайте.

Талантов никаких у Светки не было, благо бог не Ермошка, думает немножко. Известно лишь только то, что и неоткуда им было взяться по природе, - не было в её роду ничего примечательного. Так уж повелось исстари, что совсем не рождались в рязанской глубинке ни гении, ни выдающиеся злодеи, ни иные какие приметные личности, а появлялись

на свет божий всё больше такие светки молодцовы, которые, доживая до старости, так и не понимали, зачем они хлеб ели да солнце изливало на них свою благодать. Братья её, которых народилось много, достигнув совершеннолетия, с охотой принялись разбойничать и воровать. Светка же, по женскому своему состоянию, рассудила, что заниматься уголовщиной, какой промышляли братцы, ей не с руки: никто из мужиков её не испугается, разве только посмеётся да обругает скверно. Рассудила здраво, поскольку, хоть и была она более похожа на мужика, чем на бабу, а всё же против мужчин пасовала, опасаясь быть побитой. И так и этак кинь – а всюду клин. Но дурак думкой богатеет, - вот и Молодцова разбогатела.

Стала она сначала работать по профессии – клоуном в три притопа и два прихлопа - на корпоративах, свадьбах и прочих вкусных вещах. Дело не особо шло, потому что рязанцы хотели получать одно, а получали на мероприятиях с участием Светки другое, и это другое очень напоминало встречу двух синяков у вокзального ларька. Могучая Светка, хватив рюмашку-другую для куража, изображала из всех своих кобыльих сил светскую львицу с манерами, но в итоге орала дурниной и лезла зачем-то меряться силой с мужиками, которые офигевали от её стокилограммового напора и утекали от боестолкновений. Светка приуныла. Не было особых доходов от такой светской жизни, а жизни ой как хотелось попробовать.

На Светкино счастье нашлись в Скопине люди, которые пожелали наставить её на путь истинный, а заодно и себе помочь. Некая бывшая маклерша и банковская служащая, проворовавшаяся вконец и счастливо избежавшая острога, взяла её под свою опеку.

«А не желаешь ли ты, красавица моя, получить славу и деньги на прожитие?» - спросила маклерша-бандерша Молодцову.

Светка, впервые в жизни услышавшая, что она-таки красавица, зацвела пунцовым цветом и, схватив за руку благодетельницу, воскликнула искренне:

- Желаю, ещё как желаю! Только средств для этого не имею!

- А тебе и не надо их иметь, - успокоила её благодетельница. – Надо тебе только слушать меня и на ус мотать. Голос у тебя громкий, размеры внушительные, - с таким-то добром мы вмиг скопинские прерии уделаем, да так, что аборигены местные и опомниться не успеют.

- Это как же, Ольга Егоровна? – спросила Светка с недоверием.

- Про то я ведаю, дорогая. Уж положиись на меня и не робей.

- Может, по церковной части мне пойти? Нести людям свет христианский, а то его так много во мне, что уж и не знаю, куда это добро девать.

- Э нет! Наши-то попы тебе развернуться не дадут на сво-

ей поляне, потому как им самим от святости кормиться хочется. Лучше тебе, мать, выйти на путь помощи нуждающимся.

- А кто же эти люди и как их найти? Хоронятся ото всех, поди, в своих избушках и землянках, попробуй их сыщи.

- Дело это нехитрое. Адреса и положение их известны, у нашей соцзащиты все они на примете. От тебя что требуется? Знай снимай, как добро несёшь бабкам и дедкам, и народ наш так прилипнет к мониторам, что и не отлепишь. Они, сердобольные, это любят. Ты усвой три вещи блогерские: поминай отца нашего небесного чаще, ори громче и плюй на хейтеров с высокой колокольни, и будет всем нам тогда счастье не только в рублях, но и в нескрепной валюте, прости господи.

Светка заискрилась светом добра в предвкушении благих дел, но от одной какой-то потаённой мысли умолкла в раздумье и философски закряхтела.

Благотельница мигом уловила некую печаль в Светкиных карасьих глазах и спросила с участием:

- Что тебя ещё тревожит? Спрашивай, на всё отвечу.

- В технологиях я не сильна, да и пишу с ошибками. Камеру умею крепко держать, так ведь этого для блогерства мало, думаю. Вон какие в интернете рожи умные висят, - говорят складно, а на поверку у многих из доходов пшик кудрявый да дырка от бублика.

«Чем тебе думать-то, блаженная Фетинья? Ты же тупая,

как пробка, даром что ли в коррекционке отучилась», - подумала Егоровна, но вслух успокоила будущую звезду Ютуба:

- Нашла о чём горевать! У нас много ботанов, сведущих в этом. Я тебе быстро организую канал, ботов нагоню и помогу с монетизацией, а твоё дело нехитрое, но благое и богоугодное, так и знай!

Светка в этот миг окончательно уверовала в высшее своё предназначение и ринулась на улицы Скопина в поисках благодати.

Началась у Молодцовой блогерская нелёгкая жизнь. Чаяла она, что сразу, на первой же улице, отыщет благодарных клиентов, но получился вместо успеха конфуз.

В большом мусорном контейнере угнездились два мужика и рылись в его содержимом в поисках чего-нибудь пригодного для обывательского своего существования.

Светка издалека заприметила их и ринулась в их сторону с энтузиазмом норковой псины, учуявшей лису.

- Эй, мужики, чего это вы здесь делаете? – зычно обозначила она своё присутствие.

Мужики, оторвавшись от работы, глянули на неё с недоумением и некоторым недовольством.

- А тебе какое дело? Работаем работу, не видишь что ли, - буркнул один из них.

- Да вижу, что работаете. А что ищете?

- Что надо, то и ищем. Тебе чего от нас надо?

- Я просто гуляю здесь и ко всему, что интересно, приглядываюсь.

- Так и иди себе с богом, куда надо. А к нам приглядываться нечего.

- Ты чего это так говоришь? А если я сама захочу здесь порыться? Контейнер-то не ваш, а общий.

Мужик удивился пожеланиям чудной бабы исполинских габаритов и минуту-другую пребывал в прострации, не зная, как отогнать от себя эту диверсантку. Вдруг разглядел он в руках у неё камеру и всерьёз обозлился.

- Ты чего это?! Снимаешь нас, что ли? А ну убери камеру, дура, а не то я тебя щас вразумлю по-свойски! Поганка драная! – заорал он.

Светка струхнула, но фасон продолжила держать и возразила:

- Да я просто так стою! Ты чего на меня орёшь?

Она, хотя и снимала всю сцену с самого начала, врала по старой зековской привычке напропалую, - авось лошки поверят. Этой воровской премудрости обучили её братцы-уголовники, и учение впрок пошло.

Но везде и во всякое время суток могут случиться промашки. Мужик обалдел сначала от такой очевидной наглости, а потом с очень серьёзным видом начал выбираться из контейнера.

- Я тебе шас разъясню физически про обман зрения! – заорал он не шутя, и Светка, поняв, какой оборот принимает дело, огласила окрестности хавроным визгом и мелкими шажками попятилась прочь.

Затем она уже в полную силу пустилась наутёк и перешла на шаг только тогда, когда бранные крики мужика у неё за спиной затихли. Светка с перепугу так рванула, что не заметила, как оказалась за три квартала от чёртовой мусорки. «Фу, и дёрнула же меня нелёгкая с бомжами связаться. Да на кой дьявол мне такое познавательное блогерство! Уж лучше по бабкам ходить, - они, по крайней мере, морду набить не смогут и от добра моего никуда не денутся, потому как сами еле ползают», - рассудила Светка, отдышавшись.

Начала Светка в Скопине добро нести. Но натур, подходящих для успеха, в городе не сыскала, а потому довольствовалась тем, что под руку по случаю попадалось. Попадались в основном гуляющие люди, зеки без кола и двора, определённые на жительство в эту местность, и прочий колоритный бомонд.

Нашла она однажды бабу-веселушку, проживавшую с сожителем в довольно крепком домике на окраине Скопина. «А чем вы занимаетесь, к чему у вас душа лежит?» - поинтересовалась Светка бесхитростно.

«А самогон варю, милая, - ответила бабка просто. – Не бойся, - напиток у меня хороший, без подвоха. Вся улица берёт. Сейчас пробу снимать буду, и ты вместе со мной попробуешь».

Светка была удивлена и растрогана искренним гостеприимством, только никак в толк не могла взять, как этот божий одуванчик справляется с таким нелёгким делом.

«Так ведь, почитай, тридцать с лишком лет гоню продукт», - успокоила её бабка и усадила за стол. Тут и соседи Татьяны Ивановны, в миру прозывавшейся Танькой-пулемётчицей, учуяв раздухаристый Танькин первач, явились в гости – с весёлыми заранее лицами, с шутками-прибаутками и своей закуской, имея в виду, что Танька к поварским делам не была приспособлена и с готовностью обменивала домашние заготовки на свой товар. Пошла вовсю дружеская беседа за столом, и Светка набралась в охоту, но лишь немного повеселела, потому что брала на грудь и не такие дозы и ко всему этакому была привычна.

Она выкатилась от бабки Тани в прекрасном настроении и мечтательно упёрлась взглядом в светло-лазоревое июньское небо, раздумывая о своём звёздном предназначении, до поры до времени мирно парившем в неясных сновидениях её и ничем себя не выдававшим.

Вскоре явилась Светка к Егоровне с первым отчётом о проделанной работе и ожидала похвал и материального вознаграждения за проявленную на улицах Скопина смекалку. Но вместо ожидаемых плюшек разного рода наткнулась она на суровый взгляд куратора и недвусмысленную его решимость задать трёпку начинающему блогеру.

«Ты что это, мать, наснимала мне по синей дыне?» - с порога начала Егоровна, грозно дыша и играя бровями, как ма-кака, учинившая погром в доме и ожидавшая за это всяческих кар от хозяина.

«А что такое, Ольга Егоровна? – искренне удивилась Светка и на всякий случай отступила на полшага к двери. – Я всего-то три ролика сделала. Вам сюжет с Татьяной Ивановной не понравился? Так ведь сейчас это можно, государство разрешает».

Егоровна от глупых слов Светки вся побагровела и в гневе спросила с ехидцей:

- Вот как? Значит, сивушку гнать теперь разрешено и никак не порицается?

- Да вроде так, как я слышала, - пролепетала Светка, разведя глазки в разные стороны от испуга и мозгового напряжения.

- У какого же забора, смею спросить, ты это слышала? Оно, может, и так, как ты говоришь, а только после твоей рекламы к бабе Тане непременно припрётся участковый и козью морду ей изобразит в подробностях!

- Для чего же это?

- А для того, что полицейкам тоже кормиться надо и усердие по службе показывать, дурья твоя голова! Уж услужила ты ей так услужила! Вот что, радость моя: больше никаких хождений в народ без моего указу!

Светка, хотя и была уязвлена в самое сердце колкими речами Егоровны, всё же для продолжения карьеры и собственной безопасности согласилась слушаться её во всём и без спросу в незнакомые дома не соваться. И то сказать: на этот-то раз всё обошлось сносно и к обоюдному удовольствию сторон, а ведь можно было волею случая забрести в такой шалман, в котором и морду набьют не спросясь.

Она получила от ушедшей банкирши краткий список тех, к кому соваться с добром можно и даже в перспективе выгодно.

Пошла она нести свет добра и милости христианской в те скромные и древние избушки Скопина, где ещё кое-как доживала свой век городская интеллигенция.

Жила одна старушка в старом купеческом квартале, в белом домике в три оконца, окружённом липами и рябинами, такими же старыми, как и хозяйка дома. Она жила себе потихоньку, по-вдовьи, и уж ни о чём сугубо житейском и не мечтала, понимая, что не в добре по сундукам счастье.

Мечтала она лишь об одном – побывать когда-нибудь в

городе Париже. И тому была веская причина: она, всю жизнь учившая школяров французскому языку, не только не сподобилась увидеть хотя бы раз француза или француженку, но даже и дальше Рязани в жизни никуда не выезжала.

Светка ворвалась в дом учительши, по обыкновению своему, шумно, грозно и без всяких манерных экивоков, потому что Егоровна накануне обрисовала хозяйку во всех подробностях, не забыв сказать главное: она была на всём свете одна-одинёшенька, и некому было за неё заступиться и оградить от Светкиного добра.

- Чего тебе больше всего хочется в жизни? – спросила она старушку, которая от такого фамильярного обращения потеряла дар речи.

Преодолев испуг, она поведала Светке о заветной своей мечте. Та, услышав про Париж, сначала остолбенела, потому что раньше принимала от скопинцев просьбы поуже, вроде стиральной машины или холодильника, а тут на тебе – заграница, да не какая-нибудь Анталия, а самая что ни на есть Европа. «Увы мне, увy, - взглянув на ошалевшую Светку, с улыбкой молвила старушка. – Понимаю, что мечта моя несбыточна. Да разве запрещено человеку мечтать? Я думаю, что вовсе не зазорно».

Светка тут вспомнила, что и сама думала иногда о всяких там парижках, но только добраться до них нет у неё пока никакой возможности. Решила она всё же подсобить старушке.

- Не печалься, Лидия Петровна! Помогу чем могу, - заве-

рила она учительшу.

Из старухино дома побежала она сразу к Егоровне за инструкциями, потому что сама по скудоумию не ведала, как обратить мечту о Париже в прибыль себе. Егоровна выслушала и аж подскочила на стуле от сладких предвкушений, - она-то знала, как дело нужно обстряпать.

- Кинь клич подписоте своей, что нужно деньги собрать на Париж, - стала она вразумлять невежду.

- А согласятся ли? Ведь мало ли, кто о чём мечтает. Я вот хочу на Мальдивы переехать, да кому это интересно? – усомнилась Светка.

- А ты шибко много не думай. Вредно это для твоего организма, - усмехнулась Егоровна криво. – Ты думаешь, что людишки твои, подписота пенсионная, от большого ума тебя смотрят? Да как бы не так. Я, конечно, допускаю, что есть среди зрителей такие, которые смотрят на твой зверинец, чтобы просто развлечься и поугорать над сборищем алкашей, дуремаров местных и прочего сброда, но таких, уверяю тебя, немного. Большинство зрителей недалеко ушли от твоих актёров. Так что исполняй без раздумий мои указания.

Светка и исполнила, что велено ей было. Накидали ей на карту столько, что у неё аж головокружение от успехов случилось. Об учительше с её туманными парижками велено было забыть раз и навсегда и даже не вспоминать, - мало ли что неприятного со старушкой могло случиться, о чём Светка предобрейшая знать заранее не могла.

А чтобы учительша глаза не мозолила и не напоминала о себе, наврала ей Светка вот что: для поездки в Париж требуется огромная сумма, деньжищ куча, и поэтому нужно взять в добром банке кредит с залогом в виде домика, которым та владела по недоразумению.

- Как же я отдавать буду деньги? – спросила старушка в раздумье.

- Так с пенсии и будете, и я помогу по возможности, - вслух с убеждением в голоске ангельском фантазировала благодетельница.

Старушка ничего в финансах не кумекала и подписала не глядя все бумаги, которые подсунула ей Светка. Через два месяца, не дождавшись ни денег, ни Парижа, учительша умерла от тоски, и на скопинском кладбище вскоре появился деревянный крест над безымянной могилой. Много таких крестов появится в будущем от Светкиного добра.

Долго ли, коротко ли, а решила Егоровна от жадности расширять Светкино богоугодное дело.

- Ты поезди по деревням окрестным, - авось найдёшь ка-

кого-нибудь чудилу поинтересней для своей публики, - заявила она как-то раздобревшей от трудов Светке.

Светка, помычав раздражённо, согласилась. Вначале ошибалась она недалеко от Скопина, присматриваясь и прицениваясь к местным оригиналам, коих, к удивлению её, оказалось немало. Но допускались к камере и вящей славе не все подряд стародавние жители, а только те, которые подходили под кондиции, описанные Егоровной: «Ты смотри, чтобы бабки и дедки были ума малого, а лучше, чтобы и вообще без него, придурковатые, но в меру, и чтобы немощь их была всем видна; но таких, которые совсем уж при смерти, нам не надобно».

- Так могу сразу и не угадать в какой-нибудь паршивке буйности, - пошутила тогда Светка.

- Это так. И на старуху бывает проруха, - согласилась Егоровна. – А ты не дрейфь, мать. В крепкие самодостаточные хозяйства тебя не допустят, потому что на кой леший ты им нужна со своим добром. Имей в виду вот что: всяких лишенцев и бестолочей у нас на Рязанщине полно, и они тебе за внимание к их пустой жизни козлом скакать будут и кукаркать с перепоею и голодухи, а тебе того и надо.

Нашла она с десяток персонажей обоего пола, подходящих под такое описание. Вскоре половина из них отсеялась по причине усталости от Светкиного ора и необходимости хоть в каком-нибудь человеческом виде представлять перед камерой в то самое время, когда душа просила одного - по-

коя, а тело опохмела и других приятностей.

Набрела она однажды на почтенную пару, проживавшую в половине длинной деревянной хибары, поделённой на две квартиры.

- Христом богом прошу тебя, Светлана Николаевна: оборони меня со стариком от соседки! Спасу никакого нет и мочи моей – боимся через неё не только дома, но и жизни лишиться, - слёзно просила Светку Татьяна Васильевна, хозяйка дома, женщина дородная, словоохотливая и жизнью трудовой учёная.

Николаевна прониклась бедой стариков и поинтересовалась:

- А что, соседка угрожает вам чем-то?

- Да нет, - поморщилась просительница, - Куда ей угрожать-то. Она, вишь ты, от одинокости и без пригляду совсем кукухой поехала. Сын её помер безвременно, и она натурально одичала – живёт как Баба Яга, ей-богу.

- Это дело как раз по мне, - обрадовалась Светка. – Это я мигом сделаю, не извольте сомневаться.

- Да погоди ты, милая. Нам что от тебя нужно-то, ты дослушай сперва. Бабка наша, хоть и слаба от немочи и давно на ладан дышит, но от дикой жизни сделалась хитрой и увёртливой. Мы со стариком уже вызывали на неё и милицию, и неотложку из дурдома, а всё без толку. Она как увидит какую власть у своего плетня, так тут же бежит в кустарник по соседству или в своей конуре хоронится, а оттуда вы-

ковырять её нет никакой возможности.

- Это почему же? Почему нельзя к ней в дом попасть? – удивилась Светка.

- Да потому что этот дом её одно название. Она свою конуру доверху забила разным хламом с помойки и проделала в нём лаз для себя, так что никто, кроме неё, туда не пролезет. Мой Миша пробовал её оттуда выкурить, так она заорала, что дом подожжёт и спалит себя вместе с нами к чёртовой бабушке. А что, и подожжёт, с неё станется. Останемся мы тогда голы и босы на старости лет, а может, и жизни лишимся, кто знает.

- А вы пробовали с ней по-соседски поговорить, по-доброму? Может, она просто голодная, потому и злая.

- Да ест она чего-то, иногда из магазина баулы таскает, - поморщилась досадливо Татьяна Васильевна. – Раньше в доме костёр разжигала, а теперь, когда конуру забила полностью, во двор перешла.

- Так она что же, у себя в доме костёр разжигала?! – изумилась Светка. – Как же она не боялась дом поджечь? Ведь незаконно это!

- А ей никакие законы не указ, а милиция с врачами тем более. Приложит их по матушке и убежит куда-нибудь, а ты и бойся. Она ведь ещё и злопамятная, бабка Лиза-то наша. Вот как мы живём, Светлана Николаевна, - один страх божий.

Светка от такой крошечной истории раздухарилась вовсю и по-ефрейторски распорядилась:

- Попробую я с вашей соседкой поговорить по душам. Она меня послушается, думаю.

- Поговори, поговори, - согласилась Татьяна Васильевна.
– Только если увидишь палку или ещё что-нибудь у неё в руках, то сразу беги подальше, потому что она ловка бросаться и силу в гневе имеет большую.

- Так и я в силе пока, - заметила Светка и пошла к бабке Лизе на разборки.

Она подступила к старухиному завалившемуся забору и разглядела среди куч барахла во дворе то ли бабуку, то ли дедку в драной кацавейке. Фигура, заметив незваную гостью, замерла на мгновение в раздумье, а затем подняла с земли увесистую корягу и запустила её в сторону зеваки.

Та от такой неприятности едва увернулась, а бабка, полагая, что будут ответные меры, предусмотрительно спряталась за ближайшей горой хлама и там замерла в ожидании.

- Елизавета, не знаю как по батюшке, ты чего же хулиганишь?! – возопила гостя со справедливой обидой в голосе.
– Я к тебе с подарочками, а ты в меня палкой?! – и она в подтверждение своих благородных намерений потрясла перед затаившейся диверсанткой увесистым пакетом со снедью из «Пятёрочки».

Бабка Лиза к такому повороту судьбы явно была не готова и потому, обуреваемая любопытством и жадой наживы, вылезла из укрытия пред ясные очи неведомой богатырши.

- Чего это? Чего ты принесла? – спросила она с недовери-

ем и по привычке добавила к вопросу с десятков непечатных эпитетов и олицетворений.

- Подарочки вот принесла вам, чтобы вы покушали. Тут сырок, колбаска, бананы, селёdochка, - залепетала Светка елеино, пытаясь умиловить бабку и нащупать слабые места в обороне. – Вы не бойтесь меня, я добрая! Я вам добра хочу! Если чем помочь надо, так я помогу, только скажите. Как вы тут живёте одна? Ведь трудно жить без помощи и без удобств.

- Да ничего, живу, - ответила бабка, обмякнув немного в виду неожиданных даров. – Я, иттить твою, без нужды обитаю.

- Да вижу, что вы женщина хорошая и самостоятельная. Хотите, я доктора вызову и волонтеров социальных, чтобы вам помогли с уборкой?

- Чего-чего? – напрыглась опять бабка. – Ничего не слышу. Ори громче, чего тебе надо, а то я на левое ухо глухая.

«Что ей надо, всё услышала, - размыслила Светка. – Хитрая таракашка, да ещё и с прибабахом».

- Я вам пакет тут оставляю, - не бойтесь, я заходить к вам без разрешения не буду, - подытожила Светка светскую беседу, но уже без энтузиазма в голосе.

- Только попробуй зайдёшь, - отреагировала бабка с усмешкой и опять прибавила устно то, что надо запикивать.

- Что же вы ругаетесь? Ведь я же культурно с вами общаюсь!

- И я культурно. Я по матери говорю, а по-культурному выражаюсь, - такая у меня установка, - брякнула бабка убеждённо. – Какие ишо у тебя вопросы?

- Нет вопросов, - промычала Светка.

Она неосмотрительно повернулась к бабкиному подворью спиной и мигом получила увесистый булыжник в задние ворота, отчего сначала взвыла, а затем вприпрыжку поскакала к Татьяне Васильевне, которая со своего крыльца наблюдала за разговором и видела почти всю сцену в подробностях.

Только подбежав к спасительной двери, Светка выдохнула и перестала трястись.

- Ну, Светлана Николаевна, как вам наша старушка? – спросила Татьяна Васильевна. – А то вы, наверное, сомневались в моих словах.

- Да-а, а теперь не сомневаюсь. Ну и соседushка у вас! Да она же буйная сумасшедшая, её место в нашей психиатричке, а не среди нормальных.

- Вот-вот, - подтвердила Татьяна Васильевна. – Вы уж примите меры, посодействуйте нам в нашем горе, а мы с дедом в долгу не останемся.

Светка затрясла головой в знак согласия и заверила:

- Непременно посодействую. А то как же я с вами общаться буду, если из соседских кустов одни маты-перематы только слышны. У меня культурный канал!

У Светки на такие случаи имелось полезное знакомство в скопинском санатории для людей с душевно-умственными

затруднениями, по-простецки сказать – в дурдоме местном. Туда она и отправила бабушку Лизавету на излечение и избавление от всех мук самостоятельной жизни.

После этого стала ездить она к гостеприимной паре безо всякой опаски. Те, хотя и страдали оба диабетом, ожирением и всякими другими скорбями, но любили поесть от души, поэтому и Светку заодно потчевали, как хряка на откорме, и в этом меры не знали. Но Светка кулинарным изыскам старых добряков не препятствовала, потому что сама готовить не умела ничего, а поесть скромного ей ох как хотелось. Между тем коварный диабет не дремал и в один несчастный день отправил дядю Мишу в кому, а затем и на погост. Следом за супругом вскоре отправилась и Татьяна Васильевна, о чём Светка сразу же забыла и не вспоминала уже никогда, - мало ли таких простаков на совести её, обо всех помнить много чести!

Как-то раз решила Светка, что теперь не по чину ей доброташить старикам одной, - требуются помощники. И завела она свиту из городских и сельских придурков и дармоедов, благо эти горемыки каждый свой интерес имели.

Первым делом объявилась в помощниках некая девица Жанна, которая сразу смекнула, какую пользу может получить от Светкиного христолюбивого предприятия. Да что

тут гадать — ведь деньги и посылки шли теперь Светке караванами, в том числе и от лохов заграничных, кои пребывали в священной уверенности, что их еврики, доллары и тугрики идут на помощь скопинским старичкам, а не в блогерские широкие карманы. Нашлись, конечно, подлюки женского пола, хейтеры на диванах, которые стали напisyвать в комментариях, что Светка и Жанка просто удачливые ворушки, которые напали на золотую жилу и имеют всех доброхотов, как фраеров последних. Да и в самом Скопине кое-кто шептал, что народ русский и нерусский просто дурак, раз кормит двух шалашовок и прохиндеек, когда место их законное в тюремной самодеятельности, а не у дармового корыта. Обыватели навешали обеим блогерицам обидные клички, которые вскорости прицепились к ним, словно блохи к бродячей шавке: стала Светка прозываться Баблухой, а Жанку перекрестили в Жабу, отчего у обеих новопосвящённых по первости случилось словесное и физическое недержание, а на людях матерщина и угрозы всех клеветниц определить в каталажку. Но хейтеров это только раззадорило, и скоро до Баблухи и Жабы дошёл слух, как их честят в родном городе. Было это совсем уж обидно, ведь прозывал их кое-кто из местных Коблой и её Шоблой.

Особенно от срамных слухов ярилась Баблуха, которая в обиде могла и зашибить какого-нибудь оскорбителя. Зная этот её изъян, Жаба всегда пребывала в состоянии повышенной готовности, потому что была в сто крат хитрее и подлее

Баблухи.

Земля слухом наполнилась, и дело богоугодное расширялось, подогреваемое восторгами целой армии Баблухиных обожателей и щедрыми донатами от простофиль. Баблуха окончательно уверовала в дерзкую свою звезду и сияла от гордости, аки мятный пряник среди ситников. Уже не хотела она быть столбовою дворянкой, а желала слыть царицею морскою. Но для такого коленкору должна была возгореться на Баблухином канале особо яркая звезда – такая звездища, от которой секта свидетелей Баблухи исходила бы на кипяток от восторга.

Пока суть да дело, Баблуха привычно рассекала по Рязанщине, ища очередных чудил для своего цирка. Попадались пока сплошь какие-то блеклые снетки да краснопёрки, а настоящая золотая рыбка пряталась до поры до времени под корягой. Не было ей резону объявлять себя, не приценившись полностью к Баблухиным дурацким талантам.

Отыскала Баблуха в самом Скопине чудилу редкую, но уж больно ленивую и склонную к фантазиям. Прозывалась чудила Любою и жила с матерью в зачуханном домишке, окружённом из-за редкого безделия хозяек зарослями выше человеческого роста. Такая дикость и бесхитрость в вопросах быта особенно приглянулись Баблухе. Она сообра-

зила, что в этом бунгало рады будут любому подаянию, а снимать здесь есть что, потому как Баблухины обожатели страсть как любят подобных персонажей.

«Быть добру!» - проорала Баблуха по привычке зычно, не дав никому в избе опомниться и приготовиться к обороне.

- Как живёшь, Люба, и чего тебе больше всего хочется? – спросила она Любку участливо.

- Ой, да так сразу и не скажу, - раздумчиво протянула врушка, напустив на себя жеманного флёру. – Да много чего надо. Вот хотя бы окна новые поставить и котёл заменить. Дом зимой выхолаживается из-за сквозняков, так что приходится нам в одежде спать, - продолжала она напирать на гостью и при этом чесалась обеими руками так яростно, как будто никогда в последние двадцать с лишком лет своей фантастической жизни бани не имела.

Баблуха обалдела от такого напора, но виду не подала.

- Котёл, значит, электрический у вас? – спросила она наугад.

- Да нет же, газовый. Мы газом обогреваемся, - поморщилась Любка страдальчески, но форс продолжала держать. – Только сейчас у нас газа нет... и электричества тоже.

- Почему нет?

- Долг у нас по газу небольшой, вот и отключили всё, - сообщила страдальца, вертя головой и вращая лупатыми очами, которые двигались у неё по своим орбитам в разные стороны, вопреки законам физического бытия.

- Вот оно как бывает! – попыталась Баблуха объяснить самой себе нестыковки в Любкином быте, замызганном до черноты. – Так может быть, холодно-то у вас не из-за сквозняков, а потому что газа нет?

- Может быть, - согласилась Любка неохотно.

- Да и темновато у вас, как я посмотрю. Вот отмыть бы здесь всё, вплоть до потолков, тогда не так мрачно было бы, - попробовала Баблуха намекнуть Любке на уборку.

Тут Любка особенно яростно завращала глазами. От внезапного осознания надвигающейся угрозы у неё случились непроизвольный кашель и подёргивания обеих ног.

- Да как здесь мыть-то я буду? – ответила она с вызовом. – У нас воды в доме нет.

- В доме нет, а во дворе?

- И во дворе тоже ни колодца, ни колонки. Я в конец улицы хожу за водой. А много ли её нанесёшь в вёдрах из такой дали?

- Так воду-то почему нельзя во двор провести?

- А кто его знает почему, - ответила Любка уже с явным раздражением. – Нельзя, и всё тут. Я не знаю!

- Да-а, - протянула Баблуха с печалью, про себя радуясь ожидаемым щедрым сборам на Любкин обиход, - тут работы невпроворот. Но ничего, поможем! Подписчики, думаю, откликнутся на такую вашу беду. Надо помочь обязательно. Быть добру!

- Быть добру! – подтвердила Любка, но теперь уже с удо-

вольствием.

«Да куда ты денешься теперь от меня, - читалось в Любкиных мышинных глазёнках, сжатых до упору от хитрости. — Ишь нашла бесплатный театр. Будешь теперь ты у меня на побегушках!»

Невдомёк было Баблухе, на какие такие доходы вообще проживает этакая бездельница со своей растерянной маманей. Любана каждый раз выдавала новую версию своей несуществующей рабочей биографии, и каждый раз дело заканчивалось жалобами на то, что им обеим еле-еле на хлеб хватает, не говоря уже о других продуктах, без которых человеку сложно обойтись. Маманя однажды, по простоте душевной, поведала Баблухе, что половина её горемычной пенсии уходит на погашение кредитов, которые повесили на неё какие-то добрые люди, и платить ей ещё долго. Любка зло зыркнула на маманю, которая так простодушно раскрыла одну из главных семейных тайн, но смирилась с неизбежным и врать про тайные свои заработки временно перестала.

Однако вскоре мамка опять дала маху и проболталась про большее зло из Любкиной биографии: оказалось, что дочь её непутёвая сама дважды мать, но детей у неё забрали по суду из-за тунеядства и склонности к весёлой жизни.

Баблуха, однако, новостью этой не была шокирована и продолжила донимать тунеядку расспросами о личной жизни: «Люба, а муж к тебе скоро приедет?»

Любка и не вспомнила, что в прошлый Баблухин приезд

наврала ей о муже, который почему-то живёт вдали от неё сразу в двух столицах империи, и выдала как по-писаному, глазом не моргнув: «Учится он сейчас, но скоро приедет».

Так она и не явила супруга волнующейся Баблухиной подписоте, зато вопрос этот, хотя и повис в воздухе, всё же подогревал интерес к Любе. А она уже держала нос по ветру, поняв всё про Баблухиных почитателей, и каждый раз сочиняла новые истории про мужей, друзей, любовников и собутыльников, которые иногда забредали к ней на огонёк, но от камеры Баблухи неизменно увёртывались, не желая обнаруживать себя.

Интерес к личной Любкиной жизни постепенно сошёл на нет и вскоре перетёк к вопросам сугубо бытовым, решение которых по-настоящему её волновало, потому что мама её, несчастная Мария, умерла, оставив Любку одну в скорбной жизни.

Каждый раз, получая из рук Баблухи заветный пакет с харчами из «Пятёрочки», Любка не скрывала радости и принималась расчёсываться с утроенной яростью, так что гостей её, особенно Жабу, оторопь брала и заставляла держаться подальше в виду возможных заразных причин такого поведения. Жаба вскорости заявила твёрдо Баблухе, что ноги её больше не будет в Любкиной халабуде, поскольку она не желает лечиться от чесотки и других возможных прелестей и тем позориться перед врачами и общественностью. Баблуха же смирилась с неизбежным и заключила в уме, что можно

Любку понять и не укорять в неблагодарности: ведь такую артистку больших и малых театров где ещё она сыщет?

Полку Баблухиных актёров обоего пола прибывало, но она желала большего; да, донаты росли, но росли, будь они неладны, и расходы на божьи эти души, которых приходилось нюхать и осязать практически бесплатно. Положение осложнялось тем обстоятельством, что коварная Жаба отказывалась посещать особенно вонючих актёров, блюдя своё телесное и душевное здоровье.

Срочно нужно было найти помощников, которые за здо-

рово живёшь вынуждены будут таскать пакеты с провизией и мало-помалу участвовать в съёмках.

Отыскала она двух помощников, пребывавших по недоразумению в мужском звании. Один, по имени Владимир, проживал в лесу и вёл существование грязное и полудикое, отчего сразу понравился Баблухе. Он к тому же был с гонором и многое о себе понимал, потому сочинял кое-какие невнятные стишки о бренности и неприкаянности мира. Но одного он так и не понял, - на кой чёрт припёрлась к нему эта громкая баба мужицкого склада и что она ждёт от него? А баба и не горела желанием все карты открытыми держать перед обросшим пиитом. Послушала она стишки Вовкины и, чтобы заинтриговать подписоту, приклеила к нему звание поэта; для пущей же важности нашла у Вовки психическое расстройство и прописала ему, как психиатр с большим стажем, тяжёлую депрессию, от которой спасение он увидит только в общении с ней. Вовка же, от роду страдавший одной только ленью, а также презрением к быту и семье, согласился на сотрудничество и даже принимал от Баблухи провизию и подарки, чем подорвал у многих зрителей веру в его тяжкие душевные страдания. И то сказать: будет ли человек, страдающий безмерно, сниматься в дешёвых сериалах и позориться на весь свет?

Второго кандидата в помощники и искать не пришлось. Вспомнила Баблуха, что имеется у неё в знакомцах одинокий инвалид, который рад будет любой известности и возможно-

сти ходить по гостям на правах соискателя божьей благодати. Звали его Алексей, и был он человек скромный и тихий, хотя и имел несколько незначительных недостатков, заключавшихся в неизменном хорошем аппетите и склонности оставаться на ночлег в чужих домах. Так то грехи невеликие, как рассудила Баблуха, и была в этом отчасти права.

Надо было и его как-то поинтереснее представить своей скудоумной секте, - потому однажды брякнула Баблуха, что Лёшка-то не просто инвалид, а божий человек.

«Я не одна пришла к вам, а с Алексеем Божиим Человеком!» - орала Баблуха, возникая на крыльце перед домом какой-нибудь бедной старушки или дедка, которые по беспорядочному своему положению не смели спросить благодетельницу, почему же и зачем этот рослый молодец вдруг очутился в святых угодниках. Ведь настоящий-то Алексей, человек Божий, как про него повествуют духовные писания, жил нищим и сирым и питался подаванием, не раскрывая ни перед кем знатного своего происхождения. Но Баблухе, равно как и её безмозглой секте, знать про это было ни к чему, поэтому новоявленный божий человек ел и пил за троих всегда и повсеместно, а иногда, хватив лишку, даже поучал хозяев жизни.

Такая бродячая жизнь Лёшеньке даже была по вкусу, поскольку не имел он ни семьи, ни друзей и во всём со временем стал полагаться на Баблуху. А та в ответ на его безотказность тоже не лютовала и даже выбила ему комнатёнку в

общезнанию на окраине Скопина.

Жили рядом, пели ладком и брали из посылок, присылаемых горемыкам рязанским, что хотели, потому как божьи люди только пред богом ответ иметь должны, а прочие им не указ.

В глухомани, меж озёрных низин, коими богата Приокщина рязанская, доживала свой горький век старушка Анна Андреевна вместе с сыном Славой - бобылём сорока с лишним лет.

Мужик он был добрый и рукодельный, да к тому же имел наружность приятную – светел был ликом и до невозможности синеок, как и матушка его. Но имел, к несчастью, одну особенность, от которой сам страдал безмерно и мать изводил. И мог бы Слава жить безбедно, промышляя пасечным делом и плетением разных корзин да сундуков, в чём был искусен, да вот беда – пил он горькую и махнул на жизнь свою обеими руками.

А уж как страдала от этой напасти Анна Андреевна, про то и сказать невозможно без слёз. Ведь она кровинушку свою, Славу, любила отчаянно, как только может мать сына любить.

На беду свою приветила Анна Баблуху, а та и рада была влезть в чужой дом со своим добром поганым.

- Ой, беда у меня, беда страшная! Как сына уберечь от напасти, не ведаю. Уж все слёзы свои я выплакала, да только толку нет! – пожаловалась она Баблухе, тоскуя от одной мысли о будущности сына. – Помоги хоть ты мне, Светлана Николаевна, спаси Славу!

- Об этом не печальтесь, Анна Андреевна, - заверила старушку обрадованная Баблуха. – Помогу, обязательно помогу!

О том не напрасно толкует народ, что верить всякому, кто обещает горы золотые и жизнь богатую, - всё равно что себе самому могилу копать. Да только человек на краю, пусть даже самый умный, за соломинку хватается.

Повадилась Баблуха в дом этот таскаться со своим дурацким указом, по углам камерой шарить да учить хозяев уму-разуму. Славу на камеру поучала, что надо мать уважать и вести жизнь трезвую, а сама на дне пакета с просрочкой магазинной прятала поллитровку для него, - чтобы, значит, соглашался он на съёмки и лишнего не высказывал.

Эти бомбы от Баблухиных щедрот приносили свои плоды: Слава был почти всегда весел и улыбался, встречая Баблуху, иной раз даже и шутил про то и сё ей на потеху.

Баблуха же в гостях свой умишко особо не утруждала, потому что утруждать было нечего, и с порога спрашивала хозяев всегда об одном и том же:

- А кошка где ваша, Анна Андреевна? На улице?

- Так нет у меня кошки, - удивлялась хозяйка, - никогда

и не было. Не держу я.

- Печь-то топила уже? А Славик где? Не пьёт? Не обижает вас?

- Нет, трезвый Слава мой. По хозяйству сейчас занят.

- Это хорошо, что не пьёт. Вы ведь знаете, как я пьянство и безделье не люблю.

Слава, заслышав громогласную Баблухину речь, прибежал в дом, усаживался на лавку и дожидался бомбы из пакета.

Начинался спектакль на публику, и куры у мониторов или с телефонами в руках млели от Баблухиных сентенций о вреде пьянства и пользе семейной жизни, а Слава только улыбался, удивляясь тому, как ловко Баблушка врать умеет – талант-то семейный воровской, выходит, не пропьёшь!

Пыталась Баблуха женить Славу – то ли от нечего делать, то ли на себя, красавицу писаную, намекала – сразу и не разберёшь.

- Удивляюсь я, что ты всё один да один, - сказала она однажды. – Ты разве жену не хочешь?

- Я эрзя, меня любить нельзя, - ответил жених шутливо.

- Какой такой эрзя? Разве мы все не русские? – удивилась Баблуха.

- Кто русский, а кто и нерусский. Мы, рязанские, исконные эрзя, ты разве не знаешь? Рязань и есть эрзя, народ у Оки налёживал боки. Про то всякий у нас знает.

- А я вот и не знала, - призналась Баблуха, искренне удивлённая. – Кто такие эти эрзя, впервые про них слышу.

- Эрзя зовутся не зря. Мы древнее русских-то будем, и вера у нас своя.

- Вера у нас одна – православная! – возопила Баблуха в праведном гневе. – Вера во Христа, и Христос наш спаситель!

- Чего ты надрываешься-то так? Хочешь во Христа своего верить – верь, кто тебе мешает? Мне ни Христос, ни кто иной жить не мешают, да и бог с ними, - заключил Слава.

Баблуха от возмущения все слова праведные забыла и только вращала пустыми глазёнками без всякого смысла, а Слава курил самокрутку и потешался. На что ему жениться, ему и одному неплохо. Попадётся в жёны такая дура, да не дай бог, - ведь с последнего умишка съедешь, а никто и не поможет в той беде, потому как во всякой домушке свои погремущки и кому какое дело до тебя.

Минули две зимы и два лета, и Анна Андреевна занедужила от житейских тревог, отчего вскоре умерла. Слава тосковал по матери сильно – очень он её любил. Он утратил единственную в жизни своей неприкайной привязанность и совсем сник, а потому привычно потянулся к горькой подружке.

А что Баблуха? Она смалодушничала по своему обыкновению, бросив Славу на растерзание демонам. Что ей было делать в опустевшем холодном доме, кого снимать там? Ведь знала она прекрасно, - добрые люди донесли - что Слава от отчаяния запил и вот-вот вслед за мамой на небеса отпра-

вится. От таких передраг Баблуха пряталась и выжидала конца, не говоря ничего своей пастве. Тратиться на чужое горе охотников нет, а ей и подавно этого не хотелось.

Однажды сам Слава позвонил ей, но с какой просьбой, про то никому не было ведомо, хотя нетрудно догадаться. Баблуха нехотя приехала, прихватив с собой на всякий тяжёлый случай подмогу – подружку Любу, которая дома своего не имела и жила у неё из милости и за помощь по хозяйству. Люба не смела отказаться, хотя и трусила отчаянно, зная по опыту, до чего могут прийти в беспамятстве и страдании пьющие мужики.

Последние то были съёмки в жизни Славы. Он ждал чекушки и доброго участия, а Баблуха по быдлярской своей привычке стала шарить камерой по дому, ржать во весь голос, словно жеребец, и учить тверёзой жизни. Быстро выкадилась она восвояси, дав понять хозяину, что христианская её миссия окончена и кина больше не будет, потому как электричество кончилось.

Слава вскоре после съёмок воссоединился с мамой, и Баблуха больше не вспоминала о нём. Как и когда упокоилась его душа, никто не ведаёт, и только из сухой полицейской сводки кто-то узнал, что житель одного рязанского поселения найден бездыханным в своём доме.

Бойтесь змеиной Баблухиной доброты, синеокие мужи рязанские, ибо когда не нужны станете, она поможет упасть, а подняться вы уж не сможете!

После этого случая Баблуха зареклась связываться с мужичьём, которое ещё в физической силе пребывает и вполне может дать оскорбительный отпор. Зачем рисковать, хватит ей и бабок немощных, которые еле ползают. Таких нашла она с добрую дюжину в селениях близ Скопина и только успевала бегать от одного вдовьего стола к другому, и всякая опекаемая встречала её и Жабу с улыбкой и угощениями немудрёными, а то и с рюмочкой.

«Одинокие пенсы – оно, конечно, лучше всего продаётся, но и семейных, на которых куры слетаются смотреть, обходить мне не след», - размышляла Баблуха, уязвленная последним смертным случаем.

Давно она присматривалась к семейной паре, проживавшей в деревеньке на отшибе. Они жили так, словно их ещё в перестройку со всех счетов списали, - но в сих рязанских пасторалях это обычное дело. Живут же как-то старички, а как живут, про то только дух святой ведаёт, а властям знать ни к чему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.